

С. В. Плотницкая, Н. П. Вит

Национальные менталитеты и их отражение в русских и английских пословицах

У каждой нации свое видение мира, и это отражено в языке. Будучи частью языка, пословицы являются сокровищницей определенной культуры. Данная статья основана на сравнительном анализе русских и английских пословиц, раскрывающих особое видение мира каждой нацией.

Ключевые слова: русский и английский языки, социолингвистика, фразеология, национальная картина мира.

Национальный характер народа — трудноуловимая материя. В культурной и межкультурной коммуникации забвение национальных культурных особенностей прервет диалог. Обратной связи, взаимопонимания не получится. В крайнем случае это может привести к "культурному шоку", к конфликту. Хрестоматийными стали примеры болгарского жеста согласия и отрицания ("да —

вет"), несхожести невербальных концептов приветствий у американцев (похлопывание по плечу) и японцев, горя и радости на Западе и Востоке. Концепты любви, долга, свободы, чести зачастую настолько отличаются у русских, украинцев, немцев, англичан, что при переводе требуют расширенного объяснения или оказываются непереводаемыми, образуя переводческие лакуны. Так, столь известное в старой России концептуальное слово *погорелец*, символизирующее высшую степень разорения, не имеет английского эквивалента, как и концептуальные русские слова *авось*, *даль*, *воля*, *соборность*. При определении национального характера приходится рассматривать не черты отдельного человека и даже не их сумму. В национальной концептосфере важна степень выраженности того или иного свойства и специфика его проявления, сочетаемость концептов. Среди подходов к интерпретации национального характера в отечественной науке наиболее разработан социально- исторический подход, восходящий к описанию путешествий, раскрывающих образ жизни чужого народа. Источником изучения национальных концептов может быть художественная литература, пословицы и поговорки, а в сегодняшней жизни — кинематограф, телевидение, газетные и журнальные статьи, которые выполняют роль свидетеля и аналитика.

Национальная концептосфера — не сумма характеров отдельных людей, а сложная система, в которой части взаимно налагаются, пересекаются, соподчиняются. Главными системообразующими факторами в ней являются геополитические, исторические и этнопсихологические слагаемые.

В последнее время наряду с понятием "национальный характер" в гуманитарных науках все чаще употребляются слова *ментальность*, *менталитет*. Менталитет (от лат. *mentalis* — умственный) — склад ума; мироощущение, характер, мировосприятие; совокупность умственных навыков и духовных установок, присущих человеку или общественной группе. Понятие "менталитет" было введено в научный обиход еще в начале XX века представителями историко-психологического и культур-антропологического направлений Л. Леви-Брюлем, Л. Февром и др. и в первоначальной трактовке означало своего рода "психологическую оснастку" любой социальной общности, которая позволяет по-своему реагировать как на социальную среду, так и на самих себя. Менталитет — это система образов, которые лежат в основе человеческих представлений о мире, о своем месте в этом мире и определяют поступки и нормы поведения людей. Иными словами, менталитет — это система представлений о мире, обуславливающая нормы поведения человека. Национальный менталитет — форма проявления национального характера.

Современная психология рассматривает менталитет как своеобразное социально-психологическое ядро самосознания любой общности, позволяющее единообразно воспринимать социальную действительность, оценивать ее и действовать в ней в соответствии с определенными устоявшимися нормами и образцами поведения, адекватно воспринимая при этом друг друга. В этом смысле менталитет можно назвать организующим началом, способствующим культурно-исторической преемственности.

Менталитет может способствовать межкультурному общению вследствие наличия в каждой культуре концептов "своего" и "чужого". Он может прерывать межкультурное общение, ибо "шум" в коммуникации может помешать установлению прямых и обратных связей, расчленив цепь *посылающий информацию — информация — получающий информацию*.

Особый интерес представляет сопоставление вербальных концептов, занимающих главное место в этнической картине мира. Среди них наличествует слой концептов, составляющих центр, "ядро" этнической картины мира. Условно — это "главный" национальный концепт, формирующий семантику менталитета и языка народа.

Говоря о концепте русской "соборности", мы мысленно противопоставляем ей западный индивидуализм. Бинарная оппозиция помогает определять степени сходства или различия между культурами и менталитетами в рамках единой культуры.

Менталитет народа — составная часть национальной культуры. Изучение народного менталитета необходимо для понимания взаимосвязи природы, истории, культуры и социума на определенной территории. И студентам, в конечном счете, интереснее всего то, что касается человека. Культура соотносена с языком через концепт пространства.

Каждый язык по-своему членит мир, т. е. имеет свой способ его концептуализации. Значит, каждый язык имеет особую картину мира, и языковая личность обязана организовать содержа-

ние высказывания в соответствии с этой картиной. В этом проявляется специфически человеческое восприятие мира, зафиксированное в языке.

Термин *языковая картина мира* — это не более чем метафора. Ибо в реальности специфические особенности национального языка, в которых зафиксирован уникальный общественно-исторический опыт определённой национальной общности людей, создают для носителей этого языка не какую-то иную картину мира, отличную от объективно существующей, а лишь специфическую окраску этого мира, обусловленную национальной значимостью предметов, явлений, процессов, избирательным отношением к ним, которое порождается спецификой деятельности, образа жизни и национальной культуры данного народа.

Этническая (народная) культура — наиболее древний слой национальной культуры — охватывает, в основном, сферу быта, обычаи, особенности одежды, народных промыслов, фольклора и т. д. У каждого народа есть свои этнические символы (кимono — у японцев, клетчатая юбка (килт) и кожаная сумка — у шотландцев, рушник — у украинцев, самовар — у русских и т. д.), характерные особенности кухни (овсяная каша — у англичан, борщ — у украинцев, "щи да каша" — у русских и т. д.). Соответственно, у каждой этнической группы есть и свойственные только ей особенности характера: предприимчивость — у американцев, рационализм — у немцев, эмоциональность — у итальянцев, щедрость — у русских, приверженность традициям — у англичан.

Национальная культура — более сложное образование. Она есть разновидностью субкультуры, совокупностью символов, верований, убеждений, ценностей, норм и образцов поведения, которые характеризуют духовную жизнь человека в той или иной стране. А что такое национальный характер? Существует ли он вообще? Насколько правомерно обобщение типичных черт в масштабе целого народа, когда хорошо известно, что все люди — разные? Английская поговорка на эту тему гласит: *It takes all sorts to make a world* [Мир составляют люди разного сорта]. Можно привести русские аналоги этой поговорки: "Сколько людей — столько и мнений"; "На вкус и цвет товарищей нет" и др. Этнокультурные стереотипы — это обобщённое представление о типичных чертах, характеризующих какой-либо народ. Немецкая аккуратность, русское "авось", китайские церемонии, африканский темперамент, упрямство финнов, медлительность эстонцев, консерватизм англичан, польская галантность — стереотипные представления о целом народе, которые распространяются на каждого его представителя. Впервые понятие стереотипа использовал У. Липпман ещё в 1922 г. Он считал, что это упорядоченные, схематичные детерминированные культурой "картинки мира" в голове человека, которые экономят его усилия при восприятии сложных объектов мира.

Человек — носитель определённого национального менталитета и языка, участвующий в совместной деятельности (и что особенно важно — речевой деятельности) с другими представителями национальной общности. Лингвистике интересен не человек вообще, а человек в языке. Язык — единственное средство, способное помочь проникнуть в менталитет, ибо язык определяет скрытую сферу членения мира в той или иной культуре. Он рассказывает о человеке такие вещи, о которых сам человек и не догадывается. Существуют автостереотипы, отражающие то, что думают люди сами о себе, и гетеростереотипы, относящиеся к другому народу, и как раз последние более критичны. Например, то, что у своего народа считается проявлением расчётливости, у другого народа — проявлением жадности. Люди воспринимают этнокультурные стереотипы как образцы, которым надо соответствовать, чтобы "люди не смеялись". Поэтому стереотипы оказывают довольно сильное влияние на людей, стимулируя у них формирование таких черт характера, которые отражены в стереотипе. Специалисты по этнической психологии, изучающие этнокультурные стереотипы, отмечают, что нации, находящиеся на высоком уровне экономического развития, подчёркивают у себя такие качества, как ум, деловитость, предприимчивость, а нации с более отсталой экономикой — доброту, сердечность, гостеприимство. Механизмом формирования стереотипов являются многие когнитивные процессы, потому что стереотипы выполняют ряд когнитивных функций — функцию схематизации и упрощения, функцию формирования и хранения групповой идеологии и т. д.

Мы живём в мире стереотипов, навязанных нам культурой. Совокупность ментальных стереотипов этноса известна каждому его представителю. Стереотипами являются, например, вы-

ражения, в которых представитель сельской, крестьянской культуры скажет о светлой, лунной ночи: светло так, что можно шить, в то время как городской житель в этой ситуации скажет: светло так, что можно читать. Важную роль в формировании стереотипов играет частота встречаемости определённых объектов, явлений в жизни людей, нередко выражающаяся в более продолжительных человеческих контактах именно с данными объектами по сравнению с другими, что и приводит к стереотипизации подобных объектов. Стереотип характерен для сознания и языка представителя культуры, он своего рода стержень культуры, её яркий представитель, а потому опора личности в диалоге культур. Ментальные стереотипы, содержащие концепты, проявляются в народных пословицах и поговорках.

Не вызывает сомнения тот факт, что самые важные концепты кодируются именно в языке. Под "концептом" понимается некая "универсалия", "общая идея", закреплённая в менталитете, психике, языке и воспроизводящая картину мира и стереотипы поведения представителей того или иного этноса. Слово или действие становятся "концептом" только в процессе коммуникаций, поскольку коммуникация приводит в движение "пучок" представлений, ассоциаций, переживаний, который сопровождает данное "ключевое" слово или действие. "Ключевые слова" — вербальная форма концептов, составляющих концептосферу национального сознания. Они обращают на себя внимание частотностью употребления, всегда являются центром семейства фразеологических выражений, входящих в пословицы, поговорки, в них закодированы определённые способы концептуализации мира. Необходимо проникнуть в суть "ключевых слов" культуры оригинала и суметь донести их смысл до своих читателей, сохранив, с одной стороны, национальный колорит оригинала, а с другой стороны, сделав восприятие перевода доступным для носителей совершенно иной национальной концептосферы.

Человек является частью географической среды и зависит от нее. Детально изучив закономерности природы, мы сможем понять и закономерности поведения человека, его характер. Континентальность климата, вероятно, повинна в том, что русский характер такой противоречивый, жажда абсолютной свободы и покорность раба, религиозность и атеизм — эти свойства русского менталитета непонятны европейцу, создают России ореол таинственности, загадочности, непостижимости. Факты говорят о том, что Российское государство и российский этнос были исторически, географически и психологически "запрограммированы" на противостояние жесточайшему нажиму извне. Российский этнос зародился в центре Евразии, на равнине, не защищенной с запада и востока ни морями, ни горами и доступной для военных вторжений как из Восточной Азии, так и из Западной Европы. Единственный способ сохранить в таких условиях самостоятельность — занять как можно большую территорию, в которой увязали бы любые вражеские армии. На менталитете русского народа сильно отразилась суровость климата. Проживая на территории, где зима длится около полугода, русские выработали в себе огромную силу воли, упорство в борьбе за выживание в условиях холодного климата. ("Русь под снегом заочснела"). Низкая температура в течение большей части года повлияла и на темперамент нации ("России и лету союза нету"). Русские более меланхоличны, медлительны, чем западноевропейцы ("Тише едешь — дальше будешь", "Русский ни с мечом ни с калачом не шутит"). Им приходится сохранять и аккумулировать свою энергию, необходимую для борьбы с холодом. Северноевропейский характер России сформировал тип национальной психологии, который не только не соответствует преобладающим мировым тенденциям, но прямо противоположен им. Отсюда вместо развития товарного хозяйства — психология ухода в натуральное хозяйство, вместо самостоятельности — привычка к патернализму ("Одному страшно, а всем миром (общиной) не страшно; Берись дружно, не будет грузно; С миру по нитке — голому рубашка"), вместо высоких материальных запросов — неприхотливость к условиям жизни. Суровые российские зимы оказали сильное влияние на традиции русского гостеприимства. Отказать путнику в крове зимой в суровых условиях означает обречь его на холодную смерть. Поэтому гостеприимство воспринималось русскими людьми не иначе, как сама собою разумеющаяся обязанность. ("На Руси никто с голоду не умиравал" — В. Даль). Суровость и скупость природы научили русского человека быть терпеливым и послушным. Но еще большее значение имела упорная, непрерывная борьба с суровой природой ("Не земля хлеб родит, а год"). Русским издавна наряду с земледелием приходилось заниматься и всякого рода ремеслами ("Ремеслу везде

почет", "Всякое ремесло честно, кроме воровства"). Этим объясняется практическая направленность их ума, ловкость и рациональность. Рационализм, расчетливый и прагматичный подход к жизни не всегда помогает великороссу, так как своенравие климата порой обманывает самые скромные ожидания. И, привыкнув к этим обманам, русский человек предпочитает порой выбрать очертя голову самое что ни на есть безнадежное решение, противопоставляя капризу природы каприз собственной отваги. Эту склонность дразнить счастье, играть в удачу В. О. Ключевский назвал "великорусским авосем": "Русский человек любит авось, небось да как-нибудь" [6]. Жить в таких непредсказуемых условиях, когда результат труда зависит от капризов природы, можно только с неисчерпаемым оптимизмом. В рейтинге национальных черт характера, составленном на основе опроса журнала Reader's Digest, проведенного в 18 европейских странах в феврале 2001 г., это качество у россиян оказалось на первом месте. Оптимистами объявили себя 51% российских респондентов. В остальной Европе среди качеств победило постоянство, предпочтение стабильности. Русскому человеку надо дорожить ясным рабочим днем. Это заставляет крестьянина спешить усиленно работать, чтобы сделать многое в короткое время. ("С молитвой в устах, с работой в руках", "Терпенье и труд все перетрут", "На хорошей земле сей яровое раньше, на худой позже.") Ни один народ в Европе не способен к такому напряженному труду на короткое время. Такое трудолюбие присуще, пожалуй, только русским. Вот так многогранно влияет климат на русский менталитет. Не меньшее влияние имеет ландшафт. По выражению В.О. Ключевского русский характер определяется ландшафтной детерминированностью, ибо Великороссия XIII–XV вв. со своими лесами, топкими болотами на каждом шагу представляла поселенцу тысячи мелких опасностей, затруднений и неприятностей, среди которых надо было найтись, с которыми приходилось поминутно бороться. Это приучало великоросса зорко следить за природой, смотреть в оба, ходить, оглядываясь и ощупывая почву, не соваться в воду, не поискав броду, развивало в нем изворотливость в мелких затруднениях и опасностях, привычку к терпеливой борьбе с невзгодами и лишениями [6]. В Европе нет народа менее избалованного и притязательного, приученного меньше ждать от природы и судьбы и более выносливого. Своеобразие русской природы, ее капризы и непредсказуемость отразились на складе ума русских, на манере их мышления. Житейские неровности и случайности приучили русских больше обсуждать пройденный путь, больше оглядываться назад, чем заглядывать вперед. В борьбе с неожиданными лишениями и оттепелями, с непредвиденными августовскими морозами и январской слякотью он стал более осмотрительным, научился замечать следствие, а не ставить цели, воспитал в себе умение подводить итоги и составлять сметы. Это качество называется задним умом. Природа и судьба вели русского человека так, что приучили его выходить на прямую дорогу окольными путями. Прекрасная русская природа и равнинность российских ландшафтов приучили народ к созерцанию. Осмотрительность, наблюдательность, вдумчивость, сосредоточенность и созерцательность — это те качества, которые были воспитаны в русской душе российскими ландшафтами. Огромная, редконаселенная территория требовала для своего освоения особого типа людей, способных к решительным действиям, дерзких и отважных, покоряющих Сибирское Ханство. При этом, в отличие от испанской колонизации Америки, ни один народ Сибири и Дальнего Востока не был объявлен "дикарями" и уничтожен.

И везде по пути своего следования русские создавали сеть поселений-крепостей, игравших также роль экономических центров освоения территории. Население таких острожков отличалось предприимчивостью, необычайным свободолобием и бунтарством. Значительная часть жителей бежала за Урал от "государева ока", да и сама власть предпочитала держать таких граждан подальше от столицы.

Русские формировались не в национально-замкнутом пространстве, а на открытой равнине — равнине ассимиляции. Они "выварились" в этом котле и вышли из него с двумя фундаментальными качествами — чувством мощного единения друг с другом ("как мир, так и я") и возникшим из многовекового опыта жизни примирительным отношением к народам-соседям — и к тем, у кого приходилось захватывать земли, и к тем, кто присоединялся исходя из своих интересов; и тем более к тем, кто считал для себя важным передать русским свои знания, креативные элементы своей культуры.

Русским был чужд дух враждебности и соперничества — именно в силу их очевидного преобладания, а также в силу имевшегося у них мощного народного корня с его московским стержнем. Этот русский "корень" был столь крепок, что переваривал и царей немецких кровей, и прибалтийское чиновничество, и татарских баскаков и мурз, и свое франкоговорящее дворянство, и украинский вариант православия.

Отрочность и непостижимость пространств страны не могли не сказаться на ее восприятии соседями. Император Александр III говорил: "Помни — у России нет друзей. Нашей огромности бояться". Огромные пространства легко давались русскому народу, но нелегко давалась ему организация этих пространств в величайшее в мире государство, поддержание и охранение порядка в нем. Все это не могло не сказаться на менталитете великороссов. Русская душа оказалась подавлена необъятными российскими полями, необъятными российскими снегами, она как бы утопает, растворяется в этой необъятности. Длительные и холодные зимы отразились безрадостной печалью в душе русских людей. Государственное овладение необъятными пространствами сопровождалось страшной централизацией, подчинением всей жизни государственному интересу и подавлением свободных личных и общественных сил, подавлением любой инициативы, исходившей "снизу". Централизация отразилась на русском духе двояко: во-первых, великоросс решил, что тот, кто управляет такими обширными пространствами, представляющими собой Россию, и великим народом — чуть ли не сверхъестественного происхождения. Отсюда — культ личности, чувство благоговения к "царю-батюшке" в душе русского народа ("Бог на небе — царь на земле"). Во-вторых, чувство, что над человеком кто-то стоит, видит и управляет всеми его поступками, вылилось в такое качество русской души, как беспечность. Широка душа русского, как русская земля, реки, поля — все может вобрать в себя душа русского человека, все человеческие чувства, свойства и качества в ней поместятся. Власть шири над русской душой порождает и целый ряд русских "недостойств". С этим связаны русская лень, беспечность, недостаток инициативы, слабо развитое чувство ответственности. По мнению А. Вежбицкой, русские по природе своей добросердечны, но чрезвычайно зависимы от устоявшихся социальных привязанностей, они нерациональны, сильны, но вместе с тем недисциплинированы и испытывают потребность подчиняться некоему авторитету [7:174]. Россия одарила народ огромными природными богатствами — и внешними, и внутренними. Русский человек считает эти богатства бесконечными и не бережет их. Это порождает в менталитете русских бесхозяйственность. "От чувства, что эти богатства обильны и щедры, в нас разлита некая душевная доброта, некое органическое, ласковое добродушие, спокойствие, открытость души, общительность — "Всем хватит, и еще Господь пошлет" [1]. В этом кроются корни русского великодушия.

Христианская мораль, веками державшая всю российскую государственность, сильно повлияла на народный характер. Православие воспитало в великороссах духовность, всепрошающую доброту, отзывчивость, жертвенность, душевную доброту. Единство Церкви и государства, ощущение себя не только подданным страны, но и частицей огромной культурной общности вырастило у россиян необыкновенный патриотизм, доходящий до жертвенного героизма ("Русский молодец — ста басурманам конец", "Смелость города берет", "Удалой долго не думает" [5]). По выражению А. И. Герцена, каждый русский сознает себя частью всей державы, сознает родство свое со всем народонаселением. Патриотизм пронизывает все сферы российского общества.

Географическое положение, суровый климат и ландшафт сформировали такие черты национального характера, как широта души, доброта, вольность, духовная свобода, медлительность, гостеприимство, терпение и послушание, коллективизм, соборность, наблюдательность, надежда на бога и судьбу. Русские глубоко стыдятся нечестных поступков, предательства или нелояльности [7:176]. Стержнем традиционного и сохранившегося по сей день, причем во многом неосознаваемого, русского мировосприятия является вера в благосклонность судьбы, надежда на то, что все "авось, само по себе" образуется, т. е. надежда на ничтожно малый шанс [3:76]. ("Чему быть, того не миновать", "Взойдет солнце и над нашими воротами"). Русский язык как символическая среда этнической культуры очень точно отражает это ядро национального менталитета в такой, к примеру, пословице: "Что ни делается — все к лучшему". Эти слова являются квинтэссенцией типичного русского оптимистического фатализма на фоне пассивности,

невмешательства в течение жизни, которая "делается" как бы сама по себе, "мне" же остается надеяться — "авось, повезет". Эта позиция — прямо противоположна типичной для протестантской этики базовой установке на индивидуальную инициативность и стремление самому "делать себя" и свою жизнь в Европе ("If you want a thing done well, do it yourself", "God made the country, and man made the town"). Другим архетипическим элементом русского менталитета является своеобразная трактовка ценности свободы воли, интерпретируемой как ничем неограниченное самоутверждение без оглядки на "других". Русская воля — это лишь мнимый синоним "свободы", по сути это ее полная противоположность: свобода ограничена законом, воля — это своеволие, свобода предполагает уважение прав другого человека, воля же беспредельна и не терпит никаких сдерживающих начал.

Фатализм и воля постоянно конкурируют в русском менталитете, они, как это ни парадоксально, скорее дополняют друг друга, чем противопоставляются. Думается, что именно эти родовые мифологемы лежат в корне социальных форм коллективного бессознательного, из которых уже произрастает осознаваемый анархизм.

В 2000 году в Санкт-Петербурге был проведен опрос, в результате которого наибольшую степень согласия вызвали пословицы:

1. "Хоть мощна пуста, да душа чиста" (71,0%; ср. парную к ней посылвицу, противоположную по смыслу — "За свой грош везде хорош" предпочли лишь 29,0% респондентов);

2. "С миру по нитке — голому рубаха" (68,5%; ср. парную к ней посылвицу "Дружба дружбой, а денежки врозь" предпочло вдвое меньшее число петербуржцев — 31,5%).

По содержанию этих посылвиц очевидна ценностная направленность испытуемых: во-первых, "богатство" с одной стороны, и "нравственность", с другой — несовместимы; во-вторых, более состоятельные сограждане обязаны делиться своим добром с бедными. Таким образом, равенство в бедности воспринимается "нравственнее" неравенства в богатстве. Люди воспринимают Россию не как национальную колыбель, родившую великих поэтов и ученых, но именно государство со статусом великой державы. Восхищают его "мощь", "могущество", "величие", "размах", "огромная территория", "военное превосходство". Запад в русском миропонимании — это понятие вовсе не географическое, а некий "не наш" дух и образ жизни, стиль поведения и способ самореализации.

Чем отличается английский менталитет от русского и что между ними общего? Английский этнос имеет в своем распоряжении огромное число концептов, сложившихся за период его существования, а, следовательно, и "ключевых слов" для их выражения. Среди ключевых для английской культуры можно назвать такие концепты, как: "stiff upper lip", "fair play", "gentleman", "home", "freedom", "common sense", "sence of humour". В 16–17 вв. путешественники и пираты помогли Англии стать великой Британской империей, богатой и процветающей колониальной державой. Основными принципами являлись: "Правь, Британия!", "Англия — царица морей!". Но чтобы оставаться единой нацией, англичане противопоставили себя всем остальным колониальным народам, отсюда — понятие не Родины, но Англии, страны англов, приверженность традициям (королева, рыцарь, лорд, леди, сэръ, джентельмен). В XX веке колонии стали независимыми государствами, но концепт "английскости" (снобизма, консерватизма, приверженности традициям, тщеславия) сохранился в характере англичан.

В то время как русское "родина" отсылает нас к слову "род" и, соответственно, к концепту "соборности", английское "England" и "Home" задают иные коннотации. "Home" — важнейший компонент английской национальной концептосферы. "Home" — это не просто "дом", но, прежде всего, "домашний очаг", предполагающий для британца связь с уютом, ухоженностью, порядком, защищенностью и уединенностью. Слова "rotting pride" неизбежно рождают ассоциации с судьбой сегодняшней Британии, утратившей позиции имперской державы, какой она была в конце XIX — начале XX века, с судьбой британцев, в сознании которых нынешнее положение страны пришло в конфликт с сформировавшимся десятилетиями комплексом "первосортности".

По-видимому, для английской ментальности не характерно слово "Motherland" — (Мать-земля) — в нем слишком много патетики, поэтому предпочтение отдается более "камерным" и "домашним" концептам "England" — (земля англов) и "Home". Слово "Motherland" выглядит весьма нетрадиционным и экзотичным. В авторитетной Нортонской антологии английской ли-

тературы, состоящей из двух томов, каждый их которых содержит более тысячи страниц, стихотворение под таким или близким по смыслу названием не встречается ни разу. В то время как в русской литературе с названием "Родина" связана мощная традиция, которая берет истоки из поэзии "Золотого века". Несовпадение национальных концептосфер проявляется здесь наглядно. Концепты "England" и "Home" более характерны для английской ментальности, тяготеющей к фактической точности и определенности.

Сопоставительный анализ английских и русских пословиц и поговорок на материале концептов "бог", "душа", "судьба", "народ", "дружба", "счастье", "труд" показал, что, несмотря на значительную оценочную вариативность между пословицами и поговорками в сравниваемых языках, существуют системы гибких, но устойчивых смысловых корреляций применительно к ценностной картине мира в русском и английском языках.

Доказательство веры в бога, человеческой, пассивной жизненной позиции и неспособности противодействовать судьбе, данной богом, передается в следующих речениях: All things are possible with God — "Все происходит от Бога", "Man proposes, God disposes" — "Человек предполагает, а Бог располагает".

Однако есть пословицы, не имеющие адекватного перевода:

О боге:

Английские [9]:

1. God helps them that help themselves. — Бог помогает тем, кто помогает себе.
2. God made the country, and man made the town. — Бог создал страну, а человек — город.
3. God sends meat, but the Devil sends cooks. — Бог посылает мясо, а Дьявол — поваров.
4. Every man for himself, and God for us all. — Каждый человек за себя, а Бог за всех.

Русские [5]:

1. Жить — Богу служить.
2. Бог не в силе, а в правде.
3. Бог отымет, Бог и подаст.
4. Не бойся никого, кроме Бога одного.
5. Бог не дремлет, все слышит.

О судьбе:

1. Every bullet has its billet. — У каждой пули свой ордер на постой.
2. Every elm has its man. — У каждого вяза — свой человек.
3. What must be, must be. — Что должно произойти, то должно произойти.
1. Кому что на роду написано.
2. Век живи, век надейся!
3. От судьбы не уйдешь.

Englishness (английскость):

1. The English are a nation of shop-keepers. — Англичане — нация лавочников.
2. One Englishman can beat three Frenchmen. (1599 г.) — Один англичанин может побить трех французов.
3. An Englishman's word is his bond (1500г.). — Слово англичанина — его долг.
4. It takes three generations to make a gentleman. — Нужно три поколения, чтобы стать джентльменом.

Home (дом, очаг):

1. Charity begins at home. — Благотворительность начинается дома.
2. Home is where the heart is. — Дом там, где сердце.
3. East, West, home's best. — Запад или Восток, а дома лучше всего ("В гостях хорошо, а дома лучше")
4. An Englishman's home is his castle. — Дом англичанина — его крепость.
5. There's no place like home. — Нет ничего лучше родного дома.
6. A woman's place is in the home. — Место женщины в доме.
7. Home, sweet home. — Дом, милый дом.

Таким образом, изучение русских и английских пословиц и поговорок является способом изучения национальных концептов России и Англии, и необходимо проникнуть в суть концептов культуры оригинала, чтобы донести их смысл до студентов, сохранив национальный колорит оригинала, и сделав восприятие перевода доступным для носителей совершенно иной национальной концептосферы.

1. Бердиев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре: Философы русского послеоктябрьского зарубежья / Под ред. Е. М. Чехарина. — М.: Наука, 1990.
2. Верещазин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. — М.: Русский язык, 1990.
3. Вежбицка А. Язык. Культура. Познание. / Отв. ред. М. А. Кронгауз. — М., 1997.
4. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли. — М., 1997.
5. Даль В. И. Пословицы русского народа. — М., 1984.
6. Ключевский В. О. Полный курс лекций: В 3 кн. — М., 1997.
7. Межкультурная коммуникация / Сост. А. Е. Бочкарев, В. Г. Зусман, З. И. Кирнозе. — Н. Новгород, 2002. — 230. — Ч. 1.
8. Орлянская Т. Г. Национальная культура через призму пословиц и поговорок // Вестник Моск. ун-та. — Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация, — 2003. — № 3.
9. *Oxford Concise Dictionary of Proverbs.* — Oxford University Press, 1996.

С. В. Плотницька, Н. П. Віт

НАЦІОНАЛЬНІ МЕНТАЛІТЕТИ ТА ЇХНЄ ВІДОБРАЖЕННЯ В РОСІЙСЬКИХ І АНГЛІЙСЬКИХ ПРИСЛІВ'ЯХ

У кожної нації своє бачення світу, і це відбито в мові. Будучи частиною мови, прислів'я відбивають скарби певної культури. Дана стаття концентрується на порівняльному аналізі російських і англійських прислів'їв, що розкривають особливе бачення світу кожною нацією

Ключеві слова: російська й англійська мови, соціолінгвістика, фразеологія, національна картина світу.

S. V. Plotnitskaya, N. P. Vit

NATIONAL MENTALITIES AND THEIR REFLECTION IN RUSSIAN AND ENGLISH PROVERBS

Every nation has its own vision of the world which is reflected by its language. Being part of the language proverbs reflect the treasury of a certain culture. This article concentrates on comparative analysis of Russian and English proverbs revealing specific vision of the world by a certain nation.

Keywords: Russian and English language, sociolinguistics, phraseology, national vision of the world.